

Ночная трасса ложилась под колеса мотоцикла бесконечной черной лентой, навевая странные воспоминания. Пролетев очередной поворот, мотоцикл выровнялся, и ездок прибавил газу. До нужного места оставалось всего полсотни верст, а там друзья, баня и выход на долгожданную охоту. Восстановленный из руин тяжелый «Урал», урча движком, словно огромный кот, вписался в очередной поворот, и Мишка ударил по тормозам, укладывая машину на бок, чтобы избежать столкновения с непонятым светящимся овалом, повисшим посреди ночной дороги.

Мишка, будучи опытным мотоциклистом, пытался хоть как-то перенаправить свое кувыркание в сторону от непонятого препятствия, но недавний дождь превратил асфальт в подобие катка. Так что, зацепив каблуками ботинок бровку трассы, он влетел в овал головой вперед. Высекая искры, мотоцикл проскользил по асфальту до светящегося овала, а дальше — беззвучная вспышка и темнота...

В чувство его привели осторожные, ласковые касания чьих-то рук. Кое-как выжав из себя еле слышный стон, Мишка попытался открыть глаза, но мышцы отказывались подчиняться. Сделав еще пару попыток хоть как-то показать, что живой, он вдруг понял, что собственное тело отказывается ему подчиняться. Первой мыслью, после этого осознания была паника.

«Твою мать! Неужели, падая, умудрился шею себе свернуть и теперь не могу шевелиться?!» — думал он, все настойчивее пытаясь пошевелить хоть чем-то.

Спустя пару минут, судя по внутреннему таймеру, пальцы на руках вдруг обрели чувствительность и слегка отозвались на попытки сжать кулаки.

— О! Руки начали шевелиться, — услышал он негромкий мужской голос. — Это очень хорошо. Разотрите его, голубушка. И губы смочите. Наверняка пить хочет. Да не руками. Тряпочкой мягонькой, чтобы кожу не царапать. Вот так, да. И водички, водички ему. Ничего, не переживайте, любезная. Раз шевелится, значит не все так плохо.

Слушая вкрадчивый незнакомый голос, Мишка пытался понять, что происходит и почему все делается так непрофессионально. Любой байкер знает, что, катаясь на мотоцикле, рано или поздно разложишься так, что окажешься на больничной койке, и главная твоя задача — выйти из этого приключения с минимальными потерями. Так что опыт падений и оказания медицинской помощи в подобных случаях у него был.

Но когда все те же руки осторожно приподняли ему голову и приложили к пересохшим губам кружку с водой, все мысли моментально улетучились. Буквально впитав губами несколько грамм ледяной, удивительно вкусной воды, он почувствовал, что оживает. Захлебываясь и давясь, он присосался к кружке, мечтая только об одном: лишь бы не отобрали. Словно услышав его мысли, кружку отнимать не стали, давая ему утолить жажду. То, что поили его из глиняной кружки, он понял, ощутив губами шершавую поверхность.

Откуда пришло это знание, он и сам не понял, да и неважно это было на тот момент. Напившись, точнее, выхлебав все, что дали, Мишка глубоко вздохнул и снова попытался открыть глаза. На этот раз что-то начало получаться. Веки приподнялись, позволив ему рассмотреть странный деревянный потолок, беленный известью, и смутные овалы человеческих лиц, склонившихся над кроватью.

— Вы меня слышите, юноша? Говорить можете? — послышался вопрос.

— Вроде да, — еле слышно прохрипел Мишка.

— Что? Что вы сказали? — быстро переспросил мужчина, склоняясь к его губам.

— Где я? — нашел в себе силы повисить громкость Михаил.

— Дома ты, сынок, — послышался в ответ женский голос.

— К черту подробности, город какой? — буркнул Мишка, пытаясь усмехнуться резиновыми губами.

Манера шутить даже в самых тяжелых ситуациях не раз спасала его по жизни.

— Вы не узнаете свой дом? — удивился мужчина, медленно выпрямляясь.

— Это анекдот такой, — попытался прояснить ситуацию Миша.

— Анекдот?! Расскажите? — тут же вцепился в него мужик.

— Поехал мужик в Москву, вечером напился в кабаке, утром просыпается на какой-то лавке, а рядом полиция. Он и спрашивает: «Где я?» Ему в ответ: «На Красной площади». А он им: «К черту подробности, город какой?»

— Хе-хе, интересно, не слыхал, — рассмеялся мужик мелким смехом. — А что вы еще помните?

— А-э, ничего, — растерянно протянул Мишка, вдруг сообразив, что действительно ничего не помнит. Точнее, помнит то, о чем пока говорить совсем не стоит. С чего он так решил? Да потому, что вокруг все было не так, ведь пока он заговаривал мужику зубы, зрение немного прояснилось и Мишка сумел рассмотреть помещение, в котором оказался. Это был не дом. Точнее, это был совсем не его дом.

— Что, и Глафиру Тихоновну не припоминаете? — не унимался мужик, указывая на стоящую рядом с ним женщину.

Переведя на нее взгляд, Мишка с тоской ощутил, что впервые видит эту женщину с добрым, но усталым лицом, на котором яркими пятнами выделялись пронзительные синие глаза, сейчас смотревшие на него с жалостью и болью.

— В лицо помню, а так не помню, — решил выкрутиться Мишка.

— Дожили! — послышалось откуда-то из угла. — Родную тетку не признает, оглоед. Корми его теперь запросто так.

Голос Мише категорически не понравился. Хриплый, дребезжащий, с явной ноткой истерики. Такой бывает у индивидов, склонных к алкоголизму и при этом невероятно склочных.

— Бога побойся, Трифон, — робко осадил его женщина.

— М-да, юноша. Крепко же вас приложило, — задумчиво протянул мужик, рассматривая Мишку, словно музейный экспонат.

— А что вообще случилось? — осторожно поинтересовался Мишка, решив хоть как-то прояснить для себя ситуацию.

— Это вам ваша тетушка расскажет. А мне уже пора, — ответил мужик, достав из жилетного кармана часы-луковицу и щелкая крышкой. — Значит так, любезная, — продолжил он, поворачиваясь к женщине. — Ему нужны полный покой и легкая пища. Супы, щи, каши немножко. Завтра я еще зайду.

— Так ведь, доктор, платить-то чем прикажете? — робко поинтересовалась женщина, доставая из тряпицы монеты и протягивая их мужику.

— Сделаем так. Если ран или переломов у него не обнаружится, денег я не возьму, но буду наблюдать за течением болезни. Случай уж очень необычный. Интересный. Приходилось слышать, что такая потеря памяти при контузиях сильных бывает. Но это на войне. А тут случайность. Интересно. Очень интересно, — проворчал мужик и, поправив пенсне, вышел из поля зрения.

Только теперь Мишка сообразил, что доктор этот был одет почти так же, как известный писатель Чехов на своих портретах. Даже борода и пенсне такие же. Зажмурившись, Мишка осторожно покачал головой, пытаясь отогнать панические мысли. Шея отозвалась скрипом заржавевшего шарнира, а голова на это дви-

жение откликнулась вспышкой тупой боли где-то в затылке, ближе к левому уху. Не удержавшись, Мишка еле слышно застонал.

— Что, сынок, больно? — всполошилась женщина.

— Вам плохо, молодой человек? — быстро спросил вернувшийся от дверей доктор.

— Повернулся неловко, голова, — осторожно пожаловался Мишка.

— Да, на голове у вас гуля знатная, — кивнул мужик, заметно успокоившись. — Пока не сойдет, постарайтесь резких движений не делать.

— Доктор, вы, когда к нам пойдете, захватите газет старых, если не трудно, — решившись, попросил Мишка. Ему срочно нужна была информация. Что-то тут было не так. Но что именно, он пока никак не мог понять.

— Надеетесь по газетам восстановить память? Интересная мысль. Обязательно прихвачу, — закивал врач и, еще раз попрощавшись, ушел.

— Ну, и как теперь жить станем? — раздалось из угла. — Раньше он хоть что-то охотой добывал, а теперь? С голоду подыхать?

— Уймись, Трифон. Не гневи Бога! В огороде все народилось, рыба соленая есть, корова доится, перебедем, — отмахнулась женщина, осторожно присаживаясь на край Мишиной постели. — Хочешь чего, Мишаня? — спросила она, еле заметным движением поправив ему подушку.

— Водички если только, да посплю потом, — нашел в себе силы улыбнуться Мишка.

Вся его чуйка буквально вопила, что вокруг творится что-то совсем неправильное, но что именно — непонятно. А значит, вести себя надо так, словно собрался пройти по минному полю. Напившись, он поблагодарил женщину и, прикрыв глаза, попытался проанализировать все увиденное, но, сам того не ожидая, провалился в долгий глубокий сон.

* * *

Проснулся Мишка от острого и вполне естественного желания. Чувствуя, что еще немного, и он невольно изобразит известный бельгийский памятник, Миша привычным движением откинул одеяло и встал. Точнее, попытался встать. Все-таки с его телом было что-то не так. И точность движений, и координация, и даже габариты не совпадали с теми, с которыми он жил всю жизнь. К тому же от резкого движения снова начала ныть шишка на затылке и закружилась голова.

Пытаясь не обращать внимания на все эти сложности, он сжал зубы и усилием воли заставил себя выпрямиться. В итоге моментально накатила слабость, и очнулся Мишка уже на полу. Заботливые руки подхватили его, помогая приподняться, и испуганный женский голос тихо зашептал:

— Мишенька, что же ты так, сынок! Позвал бы, я бы и прибежала.

— Да мне бы это... На двор, — кое-как справившись с голосом, смущенно ответил Мишка.

— Ох ты, господи! Вот ведь дура бестолковая! — снова запричитала женщина. — Пойдем, сынок. Провожу.

Понимая, что без посторонней помощи ему не справиться, Миша оперся рукой на плечо Глафиры Тихоновны и, еле слышно постанывая сквозь плотно сжатые зубы, зашлепал к дверям. Желудок то и дело подкатывал к горлу. Попутно, сквозь туман перед глазами, Михаил старательно оглядывал помещение, в котором оказался. По первым прикидкам, это была обычная деревенская изба-пятистенок, с большой русской печкой, беленной все той же известью. Неубиваемое заведение типа скворечник оказалось за домом, в огороде.

Справив нужду и чувствуя себя почти счастливым, Мишка выбрался на двор и, держась рукой за стену избы, с удовольствием вдохнул свежий прохладный воздух. Стоявшая рядом женщина, смотревшая на

него с грустью и жалостью, куталась в большой платок и терпеливо дожидалась, когда Мишка найдет в себе силы вернуться обратно. Сообразив, что разбудил ее, Мишка смутился и, попытавшись улыбнуться, негромко сказал:

— Простите, что поднял ни свет ни заря. Думал, сам управлюсь.

— Да бог с тобой, сынок. Жив, и ладно. А с остальным справимся, — улыбнулась в ответ женщина.

— Глафира Тихоновна, а что все-таки случилось? Чем это меня так приложило?

— Пойдем в дом, расскажу. А то холодно, простынешь еще, — всполошилась женщина, снова подхватывая его за пояс.

Только теперь Мишка понял, что стоит перед ней в одном нижнем белье, вроде солдатского, и какой-то кожаной обуви навряд ли исторических поршней. Смутившись еще больше, он поспешил убраться в избу, пока посторонние не увидели его в таком виде. Добравшись до своей лежанки, Мишка поспешно накрылся одеялом и вопросительно посмотрел на женщину. Понимая, чего он от нее ждет, та поправила платок, брошенный на плечи, и, присев на край лежанки, принялась тихо рассказывать:

— Ты с охоты шел. С тобой еще два паренька было. Друзья твои. Митька и Колька... — Тут она замолчала, настороженно глядя на него. В ответ Мишка только удрученно покачал головой. Вздыхнув, она продолжила: — Три дня в тайге были. Рябчиков хорошо взяли, да еще и глухарей добыли. А как мимо дома инженера шли, что-то там у него и взорвалось. Друзей твоих на смерть побило, а тебя по голове чем-то стукнуло. Два дня лежал, думали, уже и не встанешь.

— Это выходит, я охотился регулярно? — на всякий случай осторожно уточнил Мишка.

— И еще как. Почитай, всех нас кормил. И по пушному зверю ходил, и по дичи, и рыбу ловил. То-то Трифон взъерепенился. Раньше половину добычи твоей

купцам на кухню продавал и с деньгами был, а теперь... — Она замолчала, удрученно вздохнув.

— Ничего. Были бы кости, а мясо нарастет, — попытался успокоить ее Мишка. — Раз уж вставать пытаюсь, значит, не все так плохо. Сейчас главное тело в порядок привести, и чтоб голова не болела. А память... — Он замолчал, подбирая слова. — Главное ухватки охотничьи вспомнить, остальное само потихоньку придет.

— Даст бог, вспомнишь, — слабо улыбнулась Глафира Тихоновна.

— Вы мне напомните, я вам кто? Вроде как племянник, — осторожно предположил Мишка, выводя ее на нужную тему.

— Слава те господи, вспомнил, — оживилась женщина.

— А родители мои где? Померли?

— Так бандиты басурманские налетели и всю деревню вашу пожгли. Батя твой отстреливался, да застрелили его. Мать, сестра моя единокровная, с младшей дочкой через огород бежала, так их обеих одной пулей и убило. Вот ты один и остался. А я забрала. Своих-то деток мне Господь не дал, — всхлипнула женщина.

— Бандиты — это хунхузы китайские? — быстро спросил Миша, сам не поняв, почему указал именно на них.

— Они, проклятые, — кивнула Глафира.

— Ладно, Глафира Тихоновна, спать идите. Да и я еще подремлю, — округлил Миша разговор, пытается проанализировать ситуацию.

— Да куда теперь спать-то? — удивилась женщина. — Корову доить пора. А ты спи. Спи. Поправляйся, — добавила она, погладив его по щеке шершавой от мозолей ладонью.

Поднявшись, женщина отправилась по своим делам, а Мишка, устроившись поудобнее, принялся лихорадочно ощупывать собственное тело. Только теперь до

него дошло, что с ним не так. Это было *не его* тело! Это было тело подростка лет четырнадцати-пятнадцати. Жилистое, крепкое, но явно не знающее, что такое настоящий спорт и серьезная драка. Поднеся к лицу ладони, Мишка внимательно изучал крепкие пальцы с кое-как обрезанными ногтями и мозолями от домашней работы.

«Ну и как это все понимать? Меня самого-то куда дели?! — взвыл он про себя, чувствуя, как от ужаса волосы на голове шевелятся. — Это что? Выходит, наши фантасты про всяких попаданцев правду писали? Получается, что теперь я и сам попал? Вот только куда? Так, стоп. Мишка, возьми себя в руки и начни мыслить конструктивно... Да ну нахрен! Какой тут, к бениной маме, конструктив? Как это вообще может быть?! Куда меня нахрен занесло?!»

Последнюю фразу он едва не выкрикнул в полный голос, в последний момент сообразив, что привлечет к себе внимание и получит кучу ненужных вопросов. С грехом пополам справившись с эмоциями, он принялся глубоко дышать, пытаясь успокоиться. Сейчас, главное, было понять, куда он попал и что с этим делать. Как оно случилось, можно будет обдумать позже. Успокаивая себя подобными мыслями, Миша немного взял себя в руки и принялся вспоминать, что успел увидеть во время своей недолгой прогулки.

— Так. Изба-пятистенок. Такие по всей России ставили. Тетка про хунзузов сказала. Выходит, я где-то за Уралом. Я вроде паровозный гудок слышал, выходит, рядом железка. Мама! Неужели я где-то на КВЖД? Если так, то я действительно попал. Места тут веселые. Стоп. А с чего я решил, что гудок был паровозный? А с того, что у тепловозов гудок другой. Не такой писклявый. Уверен? Да, блин. Уверен.

Вздвогнув от собственных мыслей, Миша зажмурился и сжал кулаки, снова пытаясь успокоиться. Новое тело то и дело выходило из-под контроля. Похоже, гормональный всплеск подростка заливал его сознание

эмоциями. Отдышавшись, Миша расслабился и вернулся к размышлениям.

«Итак, что мы имеем? Тело мальчишки. И чем им мое старое не понравилось? Крепкое, здоровое тело сорокалетнего мужика, отслужившего в армии, регулярно занимавшегося рукопашкой и имевшего нормальные мужские увлечения: охота, рыбалка, техника... Ладно. Уже отобрали, и претензии непонятно кому предъявлять. А вообще, если вспомнить, как оно все случилось, то поневоле начнешь верить в инопланетян и чертей.

Мотоцикл жалко. Из руин старичка поднял. До сих пор как вспомню, так вздрогну. Одна только покупка его мне столько усилий стоила, что смех берет. С завода они только с коляской идут, а я всегда чистый байк хотел. Пришлось на гайцев выходить и с их гаража списанный мотоцикл брать. Да уж. Но ведь добился своего. Купил, восстановил. Как новенький был. Черт!»

Не удержавшись, Миша зло зашипел сквозь зубы. Именно потеря мотоцикла, в который он вложил столько сил и времени, заставила его понять, что потерял он не только мотоцикл, но и всю свою прошлую жизнь. Да, пусть странную, где-то бестолковую, в чем-то даже глупую, но свою. Налаженную, привычную. Что больше не будет ничего из того, к чему он так привык. Ни посиделок в бане с друзьями, ни флирта с женщинами, ни долгих выездов на природу. Придется все начинать заново.

«Да твою ж мать! За что мне это? — взвыл он про себя, снова сжимая кулаки. — Так, Миша. Остановись, или сам себя загонишь. Вспоминай, как тебе на Кавказе хреново было. Пережил. Выжил. Вот и здесь справишься. Выживешь, если сильно захочешь. Думай, Мишка. Думай. Что у нас в активе? Возраст и потерянная память. Под эту марку можно будет некоторое незнание местных реалий списать. А главное, у тебя есть знания твоего времени. Теперь нужно узнать, где

именно я нахожусь и какой тут год. Судя по манере разговора, это начало прошлого века. Выходит, царские времена. А может, все не так плохо?

Блин, да тут же тогда все мои знания и яйца выеденного не стоят. Вся наука еще только начинает развиваться. Оружие как бы не дульнозарядное. Небось, еще карамульки с дымным порохом. Стоп. Это меня куда-то не туда понесло. Что там тетка сказала? Я охотником был? Точно. Нужно попросить ее ружье принести. Тогда многое ясно станет. Охотничье оружие, это отрасль выпуска боевого. Хотя это может и берданкой какой допотопной оказаться. Откуда пацану хорошее оружие взять?»

Вошедшая в избу Глафира Тихоновна поставила у порога подойник и, вытирая руки фартуком, подошла к лежанке. Убедившись, что Мишка не спит, она улыбнулась и тихо спросила:

— Дать молочка, сынок? Свежее. Только седила.

— Благодарствую, — кивнул Мишка, припомнив подходящее словцо. — И это... Мне б амуницию мою охотничью осмотреть. И ружье. Может, там не все пропало? — быстро добавил он, торопясь воплотить свои мысли в дело.

— Так сумки твои порвало все, а ружье в снях. Принесу сейчас. Остальное, вон, в сундуке, — ответила женщина, кивнув куда-то в угол.

Вернувшись к лежанке, она протянула Мишке курковую двустволку с разбитым в клочья цевьем и расщепленным прикладом.

— Это чем же его так?! — охнул Миша, вертя в руках эти руины.

— Так взрыв сильный был. У инженера сарай по досточкам разнесло. Там сейчас полиция ищет чего-то, — вздохнула женщина. — Что, плохо все? — спросила она, кивая на двустволку.

— Пока не знаю. Если стволы не погнуло, то остальное восстановить можно, — пожал Миша плечами, привычно разбирая ружье.